

Неоматериальная теория (теория ресурсов). Несправедливое распределение дохода в стране приводит к неравному доступу различных слоев населения к товарам и услугам, прямо или косвенно способствующим улучшению состояния здоровья. Высокое неравенство приводит к более ограниченным инвестициям в такие общественные программы, как здравоохранение и образование, которые особенно важны для групп с низкими доходами [14].

Таким образом, можно считать доказанным тот факт, что ухудшение демографических показателей и возникновение многих социальных проблем в значительной мере обусловлено уровнем

социально-экономического расслоения. Отсюда следует, что без регулирования неравенства в распределении доходов населения невозможно преодолеть негативные демографические тенденции, сложившиеся в России. Основные пути для сокращения неравенства хорошо известны и многократно апробированы в других странах (мероприятия по формированию эффективного рынка труда, снижению неравенства доходов за счет социальных трансфертов и повышения минимальных гарантий в сфере социального обеспечения, введение прогрессивной шкалы налогообложения, а также налогов на богатство и роскошь). Воплощение их в России — **вопрос лишь политической воли.**

Литература

1. Столяров И.И., Ильина И.А. Доходы россиян: постреформенная динамика // Финансы. — 1997. — №7. — С.57–59.
2. The World Factbook. https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/fields/print_2172.html
3. Рыбаковский Л.Л. Десятилетие депопуляции в России (причины, результаты, последствия) // Социальная сфера: проблемы и суждения. Материалы шестых Мильнеровских чтений (Москва, декабрь 2002 г.); Под ред. Гилинской Э.Б. — М., 2002. Wilkinson R.G., Pickett K.E. Income inequality and population health: A review and explanation of the evidence // Social Science & Medicine. — 2006. — №62 (7). P. 1768–1784.
4. Wilkinson R., Pickett K. The Spirit Level: Why More Equal Societies Almost Always Do Better. London: Penguin. 2009.
5. Кислицына О. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. — М.: РИНЦ ИСЭПН, 2005.
6. Wagstaff A., van Doorslaer E. Income inequality and health: what does the literature tell us? // Annual Review of Public Health. — 2000. — №21. — P. 543–567.
7. Raphael D. From increasing poverty to societal disintegration. How economic inequality affects the health of individuals and communities // In Armstrong H., Armstrong P., Coburn D. (Eds.) The political economy of health and health care in Canada. Toronto, Oxford University Press. 2001.
8. Layte R. The association between income inequality and mental health: Testing status anxiety, social capital, and neo-materialist explanations // European Sociological Review. — 2011. — V.28. № 4. P. 498–511.
9. Marx K. Wage Labour and Capital. 1847. http://www.marxists.org/archive/marx/works/download/Marx_Wage_Labour_and_Capital.pdf
10. Kawachi I., Kennedy B.P. Income inequality and health: Pathways and mechanism // Health Services Research. — 1999. — №34 (1). — P. 215–227.
11. McPherson M., Smith-Lovi L., Cook J.M. Birds of a Feather: Homophily in social networks // Annual Review of Sociology. — 2001. — №27. — P. 415–444.
12. Mclsaac S.J., Wilkinson R.G. Income distribution and cause-specific mortality // European Journal of Public Health. — 1997. — № 7(1). P. 45–53.
13. Lynch J.W., Smith G.D., Kaplan G.A., House J.S. Income inequality and mortality: Importance to health of individual income, psychosocial environment, or material conditions // British Medical Journal. — 2000. — №20. — P. 1200–1204.

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ В ПЕРИОД КРИЗИСА

Е.В. Курушина,

доцент кафедры экономики, организации и управления производством
Тюменского государственного нефтегазового университета,
кандидат экономических наук

kurushina.tsogu@yandex.ru

В статье исследована динамика ВВП 175-ти стран в период мирового экономического кризиса. Для оценки изменения параметров развития экономики предложен коэффициент превышения средней динамики в кризисном году. В число факторов, влияющих на экономическую динамику в период кризиса, включены характеристики современной модели экономики, такие как уровень и темп экономического развития, нестабильность экономики, внешнеторговая интеграция и параметры секторной структуры экономики. На основе результатов, полученных с использованием корреляционно-регрессионного анализа, сделаны выводы о необходимости экономических трансформаций на основе максимизации национальных конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: экономическая динамика, мировой экономический кризис, факторы влияния

УДК 338.124 ББК 65.011

Кризис, начавшийся в конце 2008 г., оказал негативное влияние на динамику экономического развития большинства стран мира. Главное проявление экономического кризиса — это «резкое ухудшение экономического состояния страны, проявляющееся в значительном спаде производства» [1, с. 126]. По данным Всемирного банка [2] уменьшение ВВП за 2009 г. составило в США 2,8%, в странах Центральной Европы и Японии — порядка 5,5%, России — 7,8%. Рекордного снижения ВВП достиг в странах

с реформируемой экономикой. Симптомы кризиса наблюдались даже в некоторых странах Ближнего Востока. Ежегодное снижение ВВП в ОАЭ составляло в этот период более 1,5%. Поступательное развитие мировой экономики в период кризиса изменило свою тенденцию, обеспечив сначала снижение динамики до 1,4% в 2008 г., а затем и спад на 2% в 2009 г.

Тема глобального экономического кризиса после 2008 г. стала одной из самых обсуждаемых в научном сообществе.

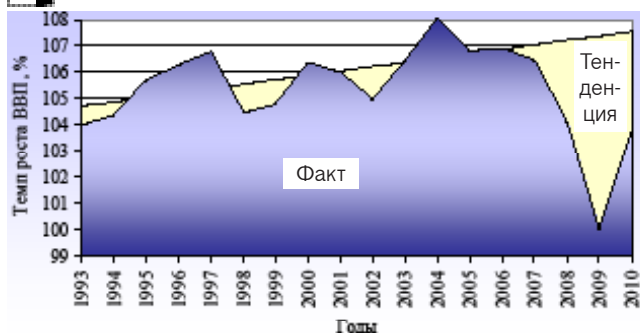

Рис. 1. Динамика мирового валового продукта

Большинство исследователей [3–6] придерживаются мнения о финансовых причинах кризиса, которые подверглись системному анализу на саммите G20 в апреле 2009 г. [7]. Очевидно, что «постановка диагноза» предопределила и методы лечения. Предпринятые попытки оздоровления мировой финансовой системы за прошедшие годы не дали ожидаемых результатов. По мнению В. Лексина, «ни одна государственная антикризисная мера не предполагала воздействия на исходные причины кризиса и не опережала развития событий» ввиду его системного характера. Для устранения идеологических причин «перепотребления и переприсвоения» благ выдвигаются предложения по переориентации производства на внутренний рынок и изменению отношений собственности [8, с. 5]. На необходимость ментальных и институциональных трансформаций также указывают А. Татаркин и Д. Татаркин, ссылаясь на кризисную «несостоятельность либерально-рыночной модели развития» [9, с. 13]. Исследуя причины дисбаланса мировой экономики, П. Минакир и А. Горюнов [10, с. 146] считают увеличение внутреннего спроса мерой, которая может обеспечить эффект только в долгосрочном периоде и связывают надежды выхода России из кризиса с мировым рынком сырья. Нейтрализацию последствий кризиса В. Плотников и Ю. Вертакова видят в «снижении зависимости социально-экономического развития от мировых цен» на продукцию первичных отраслей [11, с. 77].

Меры по выходу из кризиса, как и факторы, влияющие на последствия, по мнению автора, следует разделить на две группы: 1) меры, связанные с устранением причин (для кризиса 2008–2009 гг. это меры, связанные с финансовым дисбалансом); 2) меры, снижающие уровень уязвимости экономики во время кризиса. Факторы второй группы представляют интерес с позиций целевых стратегических параметров трансформации экономики, поскольку успешность экономического развития определяется не только уровнем и темпами в периоды подъема, но также устойчивостью и безопасностью в периоды потрясений.

Необходимость структурных трансформаций за счет диверсификации экспорта рассматривается многими специалистами в качестве первоочередной меры обеспечения стабильности экономического развития. Это утверждение, по мнению автора, требует аргументации не только логического характера, но и полученных другими методами доказательств (или опровер-

жений). Возникает вопрос: оказывает ли структурный фактор, связанный с сырьевой специализацией экономики, дестабилизирующее воздействие в период кризиса? Для экономики России этот вопрос особенно актуален, учитывая долю доходов от энергосырьевого сектора. Аргументация сторонников структурных трансформаций базируется на закономерностях эволюции стран с рыночной экономикой (У-экономика) и увеличением в процессе развития производственного (вторичного) сектора и сектора услуг (третичного, четвертичного и т. д.). Логика подобных рекомендаций для России строится на стратегии «следования за лидером». Закономерно возникает следующий вопрос: влияет ли уровень и темп экономического развития в докризисный период на экономическую динамику в период кризиса? Насколько развитые страны защищены от нестабильности? И, наконец, один из главных вопросов: насколько успешна современная европейская модель экономики в условиях кризиса?

Для ответа на поставленные вопросы автором статьи было проведено исследование динамики ВВП (по ППС) по 175-ти странам мира за 1993–2010 гг. В соответствии с учением о циклах, кризисах и инновациях Н. Кондратьева и Й. Шумпетера экономические кризисы являются составной частью эволюционного процесса [12, с. 70]. Поступательное развитие сопровождается сменой тенденций ускорения и замедления роста. Волновая природа экономического развития проявляется в первую очередь через динамику производства валового продукта. Для описания экономической динамики автор также как и исследователи «посткондратьевских» длинных волн Л. Гринин, А. Коротаев и С. Цирель [13] использует не только традиционные показатели темпов роста и прироста (в %), характеризующие скорость изменений, но также показатели ускорения развития (в %%). Проведенное исследование позволило выявить в предкризисный период восходящую тенденцию развития (как видно по рис. 1). Средняя скорость роста экономик по расчетам автора в докризисный период составляла 5,9% в год, а ускорение — (0,16)%%. При этом диапазон колебаний темпа роста ВВП, обусловленных проявлением краткосрочной и среднесрочной циклической динамики, за анализируемый период составил [-1,2; +1,4]%%. В кризис резко усилились циклические колебания. Маятник экономической динамики, качнувшись вниз, превысил отклонение от тенденции предшествующего развития в несколько раз, составив по оценкам автора в 2008 г. (-2,9)%%, в 2009 г. — (-6,9)%%. Снижение темпов роста ВВП относительно периода 1993–2007 гг. наблюдалось у 157-ми из 175-ти стран мира, т. е. в 90% случаев.

Тенденции негативной динамики экономического развития, оцененной по темпам снижения ВВП, наиболее ярко проявились в странах восточной Европы. В Латвии в 2009 г. этот показатель составил 18%, в Литве — 14,8%, Эстонии — 13,9%, Румынии — 8,5% (как видно по рис. 2). Россия по темпам падения ВВП заняла 11-е место.

Поскольку в странах с реформируемой экономикой до кризиса наблюдалась высокая волатильность ВВП, то для оценки изменения экономической динамики в период кризиса целесообразно определить степень усиления циклических коле-

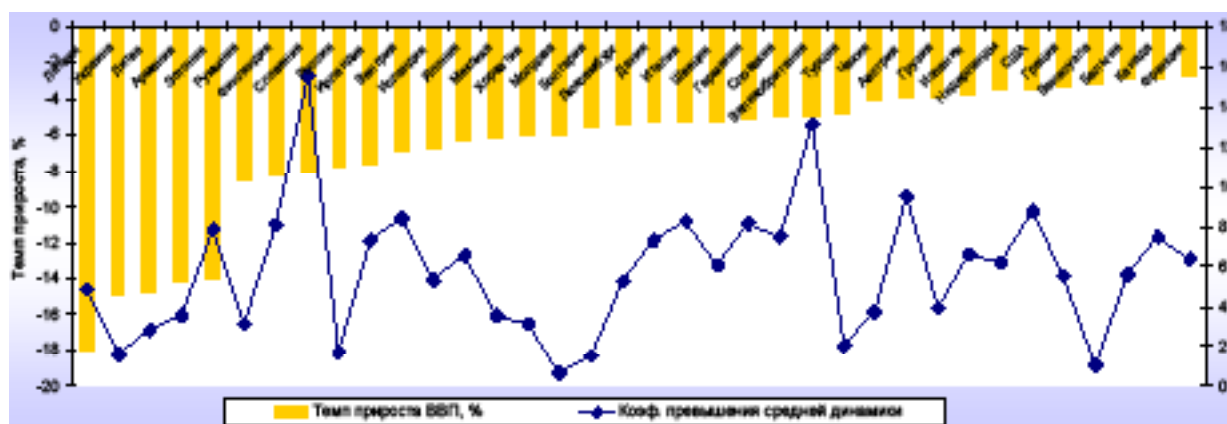

Рис. 2. Фрагмент сравнительной динамики ВВП в 2009 г. по странам мира

баний на основе сопоставления соответствующих величин за анализируемые периоды времени. Для проведения корректной оценки относительной динамики предлагается рассчитывать коэффициент превышения средней динамики в кризисном году ($K_{кр}$), по следующей формуле:

$$K_{кр} = \frac{|T_{кр} - \bar{T}|}{\sqrt{\frac{\sum_{t=t_0}^{t_n} (T_t - \bar{T})^2}{(t_n - t_0 + 1)}}$$

где t_0 — начальный год исследуемого периода;
 t_n — год, предшествующий кризису;
 $T_{кр}$ — цепной темп роста ВВП в кризисном году, %;
 \bar{T} — средний цепной темп роста ВВП в предшествующий кризису период, %;
 T_t — цепной темп роста ВВП в текущем году предкризисного периода, %.

Результаты расчетов по предложенной формуле, приведенные на рис. 2, позволили оценить динамику ВВП в период кризиса относительно колебаний в предкризисный период (1993–1997 гг.). По коэффициенту превышения средней динамики в 2009 г., по оценкам автора, лидируют Словения (15,57), Великобритания (13,15), Австрия (9,52) и США (8,78). Средний коэффициент превышения динамики по 175-ти странам мира составил 2,8; по семи странам большой восьмерки (без России) — 8,4; странам ЕС — 6,4; России — 1,7; Китаю — 1,4, Индии — 0,6. Примечательно, что максимальная относительная амплитуда колебаний в период кризиса зафиксирована преимущественно по развитым странам, а не по странам с переходной экономикой или странам ускоренного экономического роста, таких как Китай или Индия. Корреляция между скоростью изменений ВВП и превышением амплитуды колебаний в 2009 г. выше среднего и составляет (-0,615). Это означает, что в период кризиса страны со значительным снижением темпов изменения ВВП (относительно других стран) имели меньшую степень усиления амплитуды циклических колебаний (относительно предшествующей динамики собственного развития). И наоборот, страны, имеющие невысокую амплитуду колебаний в докризисный период (страны со стабильной экономикой), в период кризиса продемонстрировали значительный рост коэффициента превышения средней динамики при относительно невысоком снижении темпа изменения ВВП.

Для оценки экономической динамики в период кризиса в данной работе используются 3 показателя. Это скорость изменения ВВП (%), ускорение изменения (%) и рост амплитуды колебаний показателя (коэффициент). Предполагается, что чем больше негативная динамика в период кризиса, тем больше уязвимость экономики. В работе была поставлена задача изучения влияния характеристик экономики в докризисный период (1993–2007 гг.) на экономическую динамику в наиболее неблагоприятный (2009) год кризиса. В процессе исследования опирались на данные Всемирного банка [2]. Полученные результаты могут быть использованы для обоснования успешности современной модели рыночной экономики, используемой в качестве ориентира экономического развития. Эта модель, по мнению автора, базируется на следующих характеристиках: 1) высокий уровень экономического развития; 2) высокие темпы роста ВВП; 3) низкий уровень нестабильности экономики; 4) интеграция экономики в мировую систему; 5) прогрессивная секторная структура. Изучаемые характеристики были отобраны на основе логической значимости, измеримости и информационной доступности. Для исследования сформулированы пять тезисов, приведенные ниже.

Тезис 1: Страны с высоким уровнем экономического развития менее подвержены кризисным явлениям.

Для оценки экономического развития стран мира в мировой практике используется показатель ВВП (по ППС) на душу населения [13]. Россия по уровню экономического развития стран занимает 57-е место. В 2007 году её уровень ВВП на душу населения составлял 28% от уровня Норвегии и США. Исследование взаимосвязи между уровнем экономического

развития и темпом падения ВВП в период кризиса позволило установить слабую обратную корреляцию, то есть стабилизирующее воздействие на динамику экономики. Коэффициент корреляции составляет между этими показателями (-0,474). Взаимосвязь между уровнем экономического развития и коэффициентом превышения средней динамики выше среднего, так как коэффициент корреляции составляет 0,638. По регрессионным зависимостям статистические характеристики более чем скромные. Коэффициент достоверности аппроксимации не превышает 0,451. Тем не менее, полученный результат можно интерпретировать следующим образом: **у стран с высоким уровнем экономического развития следует ожидать меньшее сжатие экономики во время кризиса, но большее превышение амплитуды колебаний ВВП** по сравнению с развивающимися странами. Повышение нестабильности экономики в развитых странах тем заметнее, чем меньше циклические колебания ВВП в докризисный период.

Тезис 2: Интенсивно развивающиеся экономики менее уязвимы в период кризиса.

Успешность экономики оценивается не только по уровню её развития, но также и по темпам её роста. Темпы ежегодного прироста интенсивно развивающихся экономик за 2003–2007 гг. составляли, например, в Китае 11,3%, во Вьетнаме — 9,6%, в Ирландии — 8,9%, в Индии — 8,3%, в Сингапуре — 8%. Показатели экономической динамики этих стран в период кризиса были не только различными (но часто и разнонаправленными), составив, соответственно, по темпу прироста ВВП 9,2%; 5,3%; (-7,6%); 9,1%; (-0,8%). Средняя динамика экономического развития в 2009 г. была превышена в 1,41; 2,96; 7,34; 0,6 и 2,04 раза, соответственно. Как показало исследование, темпы развития экономики в докризисный период не оказывают существенного влияния на динамику ВВП в период кризиса. Коэффициенты корреляции между показателями-факторами и результирующими показателями (как видно по табл. 1) незначительны, регрессионные зависимости не выявлены.

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между характеристиками экономики в докризисный период и показателями динамики в период кризиса

Характеристика экономики в докризисный период	Показатель-фактор	Показатели экономической динамики в период кризиса (по ВВП)		
		Скорость изменений	Ускорение изменений	Превышение амплитуды колебаний
1. Уровень экономического развития	ВВП на душу населения	-0,474	-0,243	0,638
2. Темпы развития экономики	Средний темп роста ВВП	0,212	-0,061	-0,055
3. Нестабильность экономики	Коэффициент вариации темпа роста ВВП	0,124	-0,084	-0,441
4. Интеграция экономики	Доля внешне-торгового оборота в ВВП	-0,061	-0,166	-0,066
5. Энергосырьевая специализация экономики	Коэффициент нефтегазовой специализации	0,300	-0,085	-0,358

Следовательно, **на уязвимость экономики во время кризиса не влияют темпы развития в предшествующий период.**

Тезис 3: Стабильные экономики менее подвержены кризисным явлениям, чем нестабильные.

Важнейшей характеристикой успешного развития экономики является её стабильность. Одним из критериев нестабильности является темп изменений [14, с. 165]. Для оценки нестабильности экономики в докризисный период был произведен расчет коэффициента вариации темпов роста ВВП за

1993–2007 гг. Анализируемые 175 стран мира были ранжированы по данному показателю на 3 группы:

1. *Страны интенсивной динамики ВВП* с коэффициентом вариации более 10%. В эту группу вошли 7 стран, в т.ч. Азербайджан (13,25%), Туркменистан (11,7%) и Молдова (10,37%).

2. *Страны повышенной динамики ВВП* с коэффициентом вариации от 5% до 10%. В эту группу вошли 26 стран, из них 7 стран СНГ и 2 страны ЕС (Литва и Болгария). По России, которая отнесена к странам повышенной динамики ВВП в докризисный период, коэффициент вариации составил 6,57%.

3. *Страны умеренной динамики ВВП* с коэффициентом вариации менее 5%. Это наиболее многочисленная группа, включающая 142 страны (81% от исследуемой совокупности стран). Из них 11 стран имеют коэффициенты вариации 1% и менее. Рейтинг низкой динамики возглавляет Австралия, где показатель составляет 0,54%, по Великобритании -0,71%, Австрии — 0,8%, Словении — 0,85%, США — 0,96%, Германии — 1%.

Как показало исследование, существует слабая обратная корреляция между нестабильностью экономики в докризисный период и усилением амплитуды колебаний во время кризиса (-0,441), но влияния на скорость и ускорение изменений ВВП не выявлено. Полученные результаты **не позволяют подтвердить тезис о преимуществах стабильных экономик в период кризиса**. Скорее, наоборот, при высокой волатильности ВВП в докризисный период рост относительной амплитуды колебаний показателя во время кризиса много ниже, чем по стабильным экономикам, как видно по рис. 3.

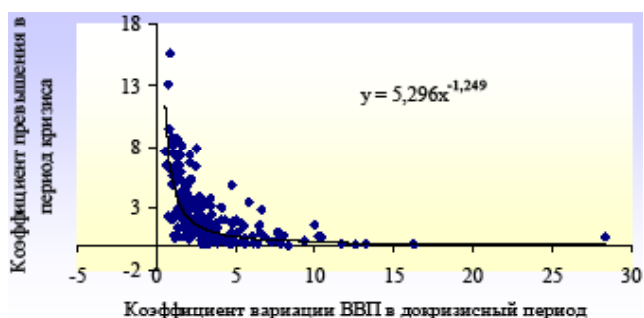

Рис. 3. Зависимость роста относительной амплитуды экономических колебаний в 2009 г. от интенсивности динамики ВВП в докризисный период

Статистические характеристики всех полученных регрессионных зависимостей недостаточны для осуществления строгих прогнозов. В условиях нестабильной экономики тенденции прошлого не проявляются в будущем, поэтому прогнозирование по выявленным тенденциям не является целью. Исследование зависимостей проводится исключительно для выявления слабых или средних связей между параметрами экономики в докризисный и кризисный периоды. Такой подход автора базируется на учении о циклах и кризисах [12, с. 363–364], предполагающий изучение влияния на эволюцию факторов наследственности и изменчивости.

Тезис 4: Вовлеченность экономики в интеграционные процессы оказывает стабилизирующее действие в период кризиса.

Современная модель европейской экономики отличается высоким уровнем её интеграции и открытости рынков для внешней торговли. Начальные стадии интеграции экономик можно проследить на примере многих стран, но только европейская интеграция достигла своих высших форм. Как отмечается в работе [15, с. 1148–1149], на начальных стадиях преобладающими формами является «товарная интеграция», реализующаяся через внешнеторговый обмен. Более высокие уровни интеграции предполагают формы факторной и институциональной интеграции. Уровень товарной интеграции в данной работе оценен по доле внешнеторгового оборота в ВВП. Расчет показателя произведен автором на основе данных Росстата [16] и Всемирного банка [17]. Среди стран, лидирующих по товарной интеграции, выступает Сингапур, внешнеторговый оборот

которого в 3,34 раза превышает уровень ВВП этой страны. Высокие значения имеют Бельгия (1,84), Вьетнам (1,57), Словакия (1,43) и Чехия (1,39). В 2007 г. в России внешнеторговый оборот составлял только 42,4% к уровню ВВП. Полученные коэффициенты корреляции между показателями экономической динамики в период кризиса и вовлеченностью стран в международный обмен товарами незначительны, как видно по табл. 1. Регрессионные зависимости не выявлены. Следовательно, **нет доказательств того, что товарная интеграция снижает негативные последствия кризиса**. Поскольку экономическая интеграция — это многоплановое явление, то исследование других её форм и эффектов [18, с. 94] может привести к иным выводам.

Тезис 5: Страны энергосырьевой специализации экономики более уязвимы в период кризиса.

Современная экономическая политика развитых стран направлена на формирование прогрессивной секторной структуры. Как отмечается в работе [19, с. 54] «структурная перестройка воспринимается на международном уровне как фактор эффективности и конкурентоспособности экономики». По мнению некоторых исследователей [20, с. 64], «реализация структурных преобразований» в России «позволит достичь снижения энергоёмкости до 27–29%». В развивающихся странах преобладает тип ресурсной экономики с высокой долей первичных отраслей, связанных с добычей минерального и сельскохозяйственного сырья. Для оценки степени специализации национальной экономики был использован коэффициент локализации первичных отраслей в ВВП относительно среднемирового значения. Расчет произведен по 64-м странам на основе данных Росстата [16]. По составленному автором рейтингу Россия занимает 15-е место среди стран мира по коэффициенту локализации нефтегазовой экономики (коэффициенту локализации нефтегазодобывающего сектора). Лидируют в этом списке Катар (33,4), Кувейт (27,4), Саудовская Аравия (17,4) и Туркменистан (15,0). По данному фактору выявлена слабая корреляционная связь, как видно по табл. 1. Коэффициентом корреляции между нефтегазовой специализацией экономики и темпами снижения ВВП в период кризиса составляет 0,3. При этом во многих нефтегазодобывающих странах объем валового национального продукта не сократился, а лишь снизил темпы своего роста. Например, в Катаре темп роста ВВП в 2009 г. составил 8,6%, Саудовской Аравии — (0,2%), Туркменистане — (6,1%). В Кувейте не наблюдалось роста ВВП, но не было и его снижения. Сжатие экономик в период кризиса снижает спрос на топливно-энергетические ресурсы, но до определенного предела, так как они составляют группу товаров, обеспечивающих жизнедеятельность экономической системы. Между нефтегазовой специализацией экономики и коэффициентом превышения средней динамики во время кризиса выявлена обратная слабая корреляция (-0,358). Таким образом, **по странам нефтегазовой специализации в период кризиса наблюдается большее снижение темпов роста ВВП, чем в странах с прогрессивной структурой экономики, но менее интенсивный рост циклических колебаний**.

В формате данного исследования были также изучены характеристики специализации национальных хозяйств по энергосырьевому неуглеводородному сектору, а также структуры экономик с высокой долей сельскохозяйственного сектора. По полученным результатам были сделаны выводы: **в целом, взаимосвязи между структурными характеристиками экономики и показателями экономической динамики во время кризиса не выявлено**.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Во-первых, экономическую динамику во время кризиса целесообразно оценивать двумя основными показателями: темпом прироста ВВП (%) и коэффициентом превышения средней динамики. Показатель ускорения развития (%%) не дает дополнительной информации при исследовании.

Во-вторых, из рассмотренных 5-ти характеристик современной модели европейской экономики только одна из

них — уровень экономического развития — оказывает стабилизирующее воздействие на темпы снижения ВВП в период кризиса.

В-третьих, в странах со стабильной экономикой в период кризисакратно увеличивается размах амплитуды колебаний ВВП.

В-четвертых, в странах нефтегазовой специализации более заметно изменение темпов роста ВВП во время кризиса, но наблюдается меньший рост циклических колебаний в этот период.

В-пятых, структурный фактор в целом не влияет на экономическую динамику в период кризиса.

Полученные результаты, по мнению автора, позволяют сделать выводы о недостаточной устойчивости европейской модели экономики в период кризиса. Одним из главных критериев структурных трансформаций и направлений экономического развития России должны стать максимальное использование имеющихся и приобретаемых национальных конкурентных преимуществ, к которым, безусловно, следует относить ресурсы природного и человеческого капитала.

Литература

1. Теория и практика управления финансовой деятельностью: монография / В.В. Колмаков, В.В. Коокуева, Н.В. Линдер, А.Г. Полякова, А.В. Трачук, Е.Г. Чапкина, В.С. Шалаев; Под ред. А.Г. Поляковой; МЭСИ. — М.: Ист Консалтинг, 2013. — 196 с.
2. GDP growth (annual %). The World Bank Group. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (дата обращения: 07.12.2013).
3. Гриценко А.А. Финансово-экономическая архитектура — методологическое обоснование поиска путей преодоления современного кризиса // Инициативы XXI века. — 2009. — №2. — С. 30–34.
4. Данилов Ю., Седнев В., Шипова Е. Финансовая архитектура посткризисного мира: эффективность и/или справедливость? // Вопросы экономики. — 2009. — № 11.
5. Ковальчук Т.Т., Иванов Е.Т., Иванов С.Е. Актуализация выводов теории денежного обращения в контексте глобального финансового кризиса // Экономика Украины. — 2010. — №10(579). — С. 15–23.
6. Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. — 2009. — № 1. — С. 9–27.
7. Гринев С.Н., Фомин А.Н. Апрельский саммит (2009 г.) в Лондоне и его основные итоги. Аналитический доклад. — М.: Центр стратегических прогнозов и оценок, 2010. — 58 с.
8. Лексин В. Россия до, во время и после глобального кризиса // Российский экономический журнал — 2009. — № 7–8. — С. 3–34.
9. Татаркин А.И., Татаркин Д.А. Теория экономических кризисов в программах антикризисных мер: уроки обучения рыночному поведению // Дайджест-Финансы — 2010. — №11(191). — С. 8–19.
10. Минакир П.А., Горюнов А.П. Мировой экономический кризис: теоретический и прикладной аспекты // Вестник ДВО РАН — 2009. — №4. — С. 130–146.
11. Плотников В.А., Вертакова Ю.В. Последствия современных экономических трансформаций и пути преодоления финансового кризиса в России // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2010. — №6. — С. 71–78.
12. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Интегральный макропрогноз инновационно-технологической динамики экономики России на период до 2030 года. — М.: Институт экономической стратегии, 2006. — 432 с.
13. Indicators of sustainable development framework and methodologies. United Nations. New York. 1996.
14. Экономическая стратегия фирмы: Учебное пособие / Под ред. А.П. Градова. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб.: Специальная литература, 1999. — 589 с.
15. Курушина Е.В. Экономическая интеграция с позиций методологии научного познания (вопросы классификации) // Фундаментальные исследования. — 2013. — №8–5. — С. 1146–1150.
16. Россия и страны мира. 2012.: Стат.сб. / Росстат. — М., 2012. — 380 с.
17. GDP (current US\$). The World Bank Group. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD/countries/1W?display=default> (дата обращения: 07.12.2013).
18. Бурняшева Л.А., Газгиреева Л.Х., Глушко И.В., Городова Т.В., Курушина Е.В., Минакова И.В., Бурдейный Л.А., Политова И.П., Фокина О.А., Шмакова М.В., Кузнецова Ю.А. Проблемы современного социально-экономического развития общества: Монография. — Saint-Louis, MO: Publishing House «Science and Innovation Center», 2013. — 194 с.
19. Курушина Е.В. Структурный фактор как инструмент энергетической политики // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2008. — №3. — С. 54–56.
20. Шпилевой В.А., Курушина Е.В., Земенков Ю.Д. Управление энергоемкостью в условиях российской экономики. Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2012. — №3. — С. 61–65.